

искатели любви

ЯНА ЖЕМОЙТЕЛИТЕ

*пора
домой*

Москва
2016

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ж53

Оформление серии *Петра Петрова*

Жемойтелите, Яна.

Ж53 Пора домой : [сборник] / Яна Жемойтелите. —
Москва : Издательство «Э», 2016. — 320 с. — (Яна
Жемойтелите. Искатели любви).

ISBN 978-5-699-92121-8

Однажды, в начале двадцатых, в редакцию петроградского журнала приходит человек в лохмотьях и приносит рассказ волшебной красоты. Он готов продать рассказ журналу «по цене утренней зари». Кто же этот таинственный оборванец?.. Герои повестей и рассказов Яны Жемойтелите — разного возраста и принадлежат к разным эпохам, но, как и каждый из нас, находятся в вечных поисках любви, гармонии и счастья.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-92121-8

© Жемойтелите Я., 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

Легалекс
от рай

П О В Е С Т Ъ

03.11.1927

Егерский батальон, исправдом, пожарная команда, артель ломовых извозчиков, столярная мастерская, спиртоводочный завод, лесозавод «Октябрьская революция»... Кто куда с книжками ходил в сумеречных буднях раннего ноября, а она, Машенька Мещерская, по средам носила книжки в столярку Онегзавода. Огромная сумка оттягивала плечо, ремень натирал даже через пальтишко, и на теле ее возле хрупкой шейки обретались багровые полосы, будто следы бичевых ударов. Их никто не видел под платьицем, а даже жаль немного: она была мученицей-книгоношей, которая каждое утро пускалась странствовать по известным адресам: Егерский батальон, исправдом... Исправдом вообще был каким-то страшным словом. Вовсе не потому, что это тюрьма. То есть тюрьма — очень даже неплохое слово, в ней при царе революционеры сидели. А вот «исправдом» означал заведение для столь нехороших людей, что их действительно приходилось отгораживать до тех пор, пока они не выправятся. Не зря же исправдомом детей пугали: будешь так себя вести —

попадешь в исправдом, туда тебе и дорожка. Нет, этим словом просто очень плохих ребят пугали. Непонятно только, как они могли появляться на свет при советской власти. Ладно там кто при царе воспитывался, тех надо исправлять... Люди вообще бывают дурными, потому что правды не знают. А правда — в книжках, надо просто уметь читать.

Вот в Егерском батальоне есть один читатель, очень обходительный человек, почти как Владимир Александрович, заведующий библиотекой, и такой же старый, опять жаль. Потому что этот читатель, майор Пейпонен, всякие красивые обороты знает вроде: милая барышня, не откажите в любезности, тут пары страниц недостает, вот досада... Книжки обстоятельно выбирает, и усы у него пушистые, цвета выгоревшей травы, аккуратно расчесанные. А то ведь иной раз придешь на спиртозавод, а там как вывалят землистые такие люди, будто в самом деле из глины вылепленные, сырые еще будто, зырят белесыми глазами... И Машеньке перед ними немного стыдно. Потому что они — пролетарии. Некоторые читать едва умеют, а все знают что-то такое, что ей неизвестно. Изначально знают, по природе своей, потому что пролетарии — самые передовые. Так Ленин сказал. Она ведь Ленина помнит, хотя не видела никогда. Ей всего пятнадцать лет было, когда он умер. Но это не важно. Потому что Ленина вообще мало кто видел, а все только читали. И сейчас точно так же читать книжки его

можно, хотя он умер. И вообще он не до конца умер, не как обычные люди... Вон он гипсовый стоит в окне библиотеки, красными полотнами задрапирован, а вокруг головы лампочки горят. Красота ненаглядная! А над ним большими фанерными буквами написано: 1917–1927. Это к юбилею Октября так библиотеку украсили. И под аркой огромную, в сажень, модель книги Джона Рида поставили: «Десять дней, которые потрясли мир» и еще лозунг на фасаде растянули: «Книгами закрепим завоевания Октября». В столярной мастерской изготовили такие буквы и замечательную модель книги. За это тоже можно было уважать рабочих, что они умеют такие вещи делать, Машенька сама только читать умеет и пересказывать, что прочла. Железнодорожные рабочие вообще в тряпье одеты, угрюмые какие-то, говорят, зарплату им задерживают то и дело, а в столовой щи с лосиной вошью. Ну так хоть книжки берите почитать, это ж бесплатно, а они: книжками сыт не будешь. Зато пожарные веселые. Наверное, работа у них такая, что сиди и жди, пока загорится. Не каждый день ведь горит, слава богу, вот у них и время на книжки есть...

Шел снег. Крупитчатый, острый, ветер озлобленно швырял его в лицо. Машенька заслонялась уголком клетчатого платка, который ей не нравился совершенно, но в беретике далеко не уйдешь по такой погоде. Шею, потом, платок прикрывает, да и вообще важна внутренняя красота. А у нее она, наверное, есть. Конечно.

В библиотечном училище на выпускном говорили, что Мария Мещерская — отличный товарищ, активный культурмеец и воинствующий безбожник... А еще у нее густые русые волосы, стриженные по линейке, и блестят, когда она поворачивает голову. И глаза — серые, стальные, как вода в озере глубокой осенью, в ноябре. И вовсе не важно, что на ней штопаные шерстяные чулки. Кто сейчас обращает внимание на эти чулки, если всего через три дня годовщина Великого Октября? Наверняка будет парад Егерского батальона, а на спортплощадке устроят конные выступления и показательные химические занятия со стрельбой и дымовой завесой... Здорово. И вообще, еще немного осталось потерпеть — и жизнь наладится. И тогда у нее в комодке будет целых три пары чулок, причем абсолютно целых. Не для праздника, а на каждый день. Может ли такое случиться? Конечно, может. Ей ведь только восемнадцать лет. А вот пройдет еще лет десять... колоссально много времени, нет, это просто невозможно представить. Конечно, у нее обязательно будут толстые ноги, вот как у тети Гали, с округлыми гладкими коленками. Когда тетя Галя сидит, попивая чай, коленки играют под юбкой, как шары... Машенька невольно ощутила под пальто собственные худенькие ножки и подумала, что не стоит забивать голову глупостями, потому что книжки для рабочих столярной мастерской гораздо важнее и что с прошлого раза там остается еще два должника.

Она миновала четырехугольную площадь Свободы, застроенную по периметру двухэтажными зданиями и раскрывавшуюся на пойму реки и самое сердце города — громаду завода, внушавшую странный, почти суеверный страх. Машенька, конечно, понимала, что бояться совершенно нечего, потому что на заводе работают пролетарии. Правда, некоторые из них до сих пор так и не поняли, что на самом деле они лучшие люди, поэтому пьют водку и вообще прозябают в темноте, но это только потому, что по темноте именно они ничего и не понимают, а стоит им объяснить... Машеньке как-то поручили громкую читку газеты в литейном цехе, но голос у нее слабый, поэтому ей так и не удалось докричаться до трудящихся. А библиотекарь Георгий Федорович, который теперь проводит эти читки, говорит слишком витиевато, по-старорежимному, и рабочие наверняка ничего не постигают из того, что он пытается им объяснить.

Заморозок прихватил осеннюю грязь, стылая земля была уже чуть присыпана снегом. На пустыре, небрежно закиданном шлаком, возились агатовые галки, похожие на ожившие комья угля. Вокруг было неприглядно и поэтому тоже жутковато, но разве может быть вокруг завода красиво? Индустрия совсем не для красоты существует... Галка, неожиданно выпорхнув прямо у нее из-под ног, заорала истошно, будто ругаясь. Так отвратительно хрипло, широко разевая рот до красного

зева, орут пьяные в дым женщины: дура-а-а, дура-а-а... И Машеньке показалось, что агатовая галка ругается на нее. Глупости! Галка — это ведь просто птица. При чем тут вообще птица, если там, впереди, завод, проходная, украшенная портиком с колоннами. Но ей нужно не на проходную, а во флигель, в столярку. Рабочие любят Горького, меньше — Толстого, кроме разве что плотника Винокура, этот читает все подряд без разбору. Виктора Гюго хорошо берут. Пару раз приходил инженер Игнатъев, спрашивал Ларису Рейснер и Сологуба, но этих книг в библиотеке не оказалось. Сологуба сейчас вообще чудно читать, хотя его недавно переиздали. Чудно в том смысле, что все эти гнусности остались в окаянном прошлом, зачем только их заново ворошить, как потухшие угли? Все эти мелкие страсти, мещанская пошлость, которая подспудно оседает в душе сусальной позолотой... Искусство должно открывать путь в прекрасное, которое, наверное, где-то осязаемо существует. Не здесь, понятно. Но где-то же оно есть! Машенька еще ни с кем не делилась сходными раздумьями, даже с заведующим библиотекой Владимиром Александровичем. А вдруг это все глупости, досужие домыслы? Вдруг не существует ничего другого, кроме пустыря, заваленного черным шлаком, агатовых галок с красным зевом и злого крупитчатого снега, который колет лицо под напористым ветром? И все это знают и только делают вид, что в мире есть что-то

еще другое. Вот бабушка покойная говорила, что истинная красота живет в раю, что есть там у бога какая-то особая обитель, в которой он держит эту красоту и позволяет ей просачиваться в мир только по каплям. Но если бога нет, выходит, и красоты этой не существует. Вот что обидно. А как же Ленин в окне библиотеки? Ведь это безусловно красиво...

— Эй, книгоноша! Заплутала, я чаю... — густой насмешливый голос пробился сквозь напористый снег, и плотник Винокур, похожий на светлокудрого чумазого черта, неслышно подхватил ее сумку с книгами. Она не успела даже испугаться.

— Чего новенького на сей раз принесла?

— Да вас разве удивишь? Ваш формуляр хоть на выставку помещай. Заведующий даже в годовой отчет велел внести плотника Винокура.

— В годовой отчет?.. — Винокур как будто пробовал на вкус чужие библиотечные слова.

— Да. Как лучшего читателя из рабочих.

— Иди ты! — Винокур расхохотался. Смех его был раскатистым, щедрым и чем-то напоминал рассыпчатую пшеничную кашу. — Заведывающий у вас мужик толковый, хотя из бывших. — Винокур остановился возле дверей столярки и, легко перекинув сумку с книгами из руки в руку, произнес: — Слышь, девонька. Сумка у тебя тяжелая, а набита поди брошюрками про Маркса с Энгельсом...

— Н-ну... да. — Машенька смешалась.

— Ты нам лучше Пушкина принеси в двойном экземпляре, все читать приятней. А то прошлый раз чего подсунула?

— «Десятилетие революции и культуры», — растерялась Машенька, прекрасно памятуя, как в прошлую среду рекомендовала почитать Луначарского. — Это же статья наркома!..

Винокур с усмешкой отмахнулся и, толкнув плечом тяжелую дверь столярки, придержал ее, чтобы Машенька могла проскользнуть внутрь. В мастерской облупившиеся темно-серые стены и пепельные комбинезоны рабочих создавали особый одноцветный мир, в котором, правда, замечательно пахло свежим деревом, а пол застилали желтые завитки стружек. Машенька, как правило, пристраивалась за столом под окном, до половины замазанным серой краской, и раскладывала свои книжки. До обеда оставалось еще десять минут — она по обыкновению пришла чуть загодя, но в столярке были чужие — кузнецы и литейщики с завода. В обрывках реплик Машенька различила «план по выработке» и «вот времечко наступило».

— Нефти нет, цеха три часа как без крови, — Винокур аккуратно водрузил сумку с книгами на стол. — Эх, малярам-то скоро морока: на улицах таблички замазывать!

— Это вы к чему? — не поняла Машенька.

— Будто не знаешь. Троцкого скоро на Соловки отправят, а сколько улиц Троцкого по стране! Вот и смекай, девонька...

— Но ведь даже Луначарский говорит, что Троцкий — вредный элемент...

— Ага. Троцкого партии не надо только до тех пор, покуда нет войны. А начнется война, так они ухватятся руками за Троцкого, без него трудноато будет!..

— Какая война? — Машенька даже забыла про книжки.

Винокур, поплевав на пальцы, перелистал «Социалистический катехизис», который только на днях прислали из Наробраза, и продолжил совершенно спокойно:

— Через месяц наступление со стороны Финляндии.

— А вы откуда знаете?

— Да у нас все только об этом и говорят.

— А вы зачем сплетни всякие слушаете? Как вам не стыдно? — Машенькин голосок раздался неожиданно звонко, и тут же сотня колючих глаз вперилась в нее. И ей сразу сделалось неприятно, как будто они глядели исключительно на ее штопаные чулки и худенькое пальтишко, полуприкрытое клетчатый платком. Ну и пусть! Приосанившись, она продолжила так же напористо-звонко: — А вы еще не хотите политические брошюры читать. Мол, напрасно я вам их приношу, да? А вы хоть знаете взгляды Троцкого?

— Мы знаем, девонька, — так же спокойно продолжил Винокур, не выпуская из рук «Социалистический катехизис», — что в столовой за капусту с